

ЛИЧНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПНИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ НЮРНБЕРГСКОГО И ИНЫХ СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ)¹

ЕВСЕЕВ А. П.

Александр Петрович Евсеев — кандидат юридических наук, доцент факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», apevseyev@gmail.com.

Для цитирования: Евсеев А. П. Личность международного преступника (по материалам Нюрнбергского и иных судебных разбирательств) // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2023. № 1 (1). С. 77–91.

Аннотация

В статье рассматривается личность международного преступника как комплексная категория. Отталкиваясь от современных достижений юридической науки, автор отмечает, что данный феномен должен быть изучен не только с позиций собственно международного права, но также смежных юридических дисциплин: криминологии, юридической психологии, социологии права и других. Кроме того, рассмотрение исследуемой проблемы представляется невозможным без обращения к другому комплексному явлению — системной преступности, под которой традиционно понимаются практики совершения массовых беззаконий в рамках политики, поддерживаемой или непосредственно осуществляемой государством. Сутью такого режима является необходимость подчинения приказам, идущим вразрез с современным цивилизованным регулированием. Констатируется, что при совершении массовых беззаконий имеет место специфическая комбинация личности преступника и криминальной ситуации, связанной, как правило, с вооруженным конфликтом, иллюстрируемая тезисом об «обычных людях в необычных обстоятельствах». Как следствие, это рождает ситуацию морального выбора, в которой оказываются потенциальные нарушители норм международного сообщества. Выделяются следующие типы международных преступников: политик-манипулятор, «жертва обстоятельств», бюрократ, «человек долга», садист, извлекатель прибыли. В статье приводятся некоторые личностные характеристики международных преступников, в частности социально-демографические, профессиональные и иные. Автор приходит к выводу: несмотря на то, что учет личности преступника при назначении наказания является нормативным требованием, закрепленным в уставах органов международного уголовного правосудия, научные разработки этого феномена еще не достигли уровня, адекватного его значению. В целом полученные данные позволяют утверждать, что чаще всего международные преступления, особенно на среднем и низовом уровнях, совершаются людьми с определенными дефектами нравственного и правового сознания, главным из которых является конформизм. Причем в случае совершения массовых преступлений он приобретает особый характер, становясь своеобразной психологической предпосылкой готовности индивида к участию или попустительству массовым беззакониям. Констатируется, что современный уровень информатизации общества делает несостоятельной ссылку на неосведомленность субъекта касательно совершения международных преступлений той стороной конфликта, с которой он себя отождествляет. В работе делается итоговый вывод о необходимости формирования специальной области знаний, находящейся на стыке международного права и криминологии — международной криминологии.

Ключевые слова

личность преступника, международное уголовное правосудие, Нюрнбергский процесс 1945–1946 годов, международные уголовные трибуналы *ad hoc*, системная преступность, типология международных преступников

Введение

Целью статьи является обращение к феномену личности международного преступника с тем, чтобы раскрыть основные социально-демографические и психологические характеристики последнего, составить классификацию преступных типов и, наконец, выработать рекомендации по более корректному привлечению современных «слуг зла» к уголовной ответственности по международному праву. Исследование проведено с использованием общенаучных методов познания, в частности анализа и синтеза, а также сравнительно-правового, историко-правового и формально-догматического методов.

В западной литературе продолжает сохраняться, не без влияния фрейдизма, взгляд на лиц, совершивших преступления по международному праву (акт агрессии, геноцид, военные преступления и преступления против человечности), либо как на прирожденных садистов с ярко выраженными сексуальными перверсиями (таковой действительно была «бухенвальдская ведьма» И. Кох), либо как на «кабинетных палачей», олицетворяющих собой «банальность зла» — термин, существованию которого мы обязаны Х. Арндт, освещавшей процесс над

¹ Посвящается У. Б.

А. Эйхманом². Однако практика органов международного уголовного правосудия свидетельствует о том, что такой подход неоправданно упрощает реальное положение вещей. В самом деле, нельзя ставить на одну доску «наци № 2» Г. Геринга и рядового эсэсовца, генерала Р. Младича, спланировавшего геноцид боснийских мусульман в Сребренице, и молодого солдата Д. Эрдемовича, имевшего боснийские корни и оказавшегося заложником данной ситуации, маршала Петэна и тысячи безликих бюрократов, присягнувших республике Виши (а впоследствии продолживших службу в государственном аппарате Четвертой республики)³. Все они отличаются друг от друга происхождением, характером и, самое главное, местом в преступной иерархии. И если на заре международного уголовного права, как говорилось в Уставе Международного военного трибунала (далее — МВТ) в Нюрнберге, «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники... несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления преступного плана» (статья 6)⁴, то ныне и при квалификации преступных деяний, и при назначении наказания необходимо учитывать и четко разграничивать формы индивидуальной и командной ответственности, не говоря уже о других элементах преступлений (субъективной стороне, *actus reus* и т. д.).

Исследование роли личности в механизме международного преступления осложняется еще и тем, что на практике существует немало людей, причастных к данной разновидности преступлений, однако прямо не обвиненных в их совершении. Хорошо сказала об этом А. Ассман, крупный немецкий философ и признанный авторитет в области исследований памяти (англ. *memory studies*): «Вся правда о концентрационных лагерях и всех убийствах, массовых казнях, допросах и пытках, совершавшихся людьми в немецкой форме, есть нечто гораздо большее, нежели сумма всех воспоминаний не только тех, кто подвергся казням, пыткам, депортациям или угрозам, но, разумеется, и их охранников, а также чиновников, организовывавших репрессии, железнодорожников, осуществлявших перевозки в концлагерь, очевидцев и тех, кто предпочитал делать вид, будто ничего не замечает, словом, опыт целого поколения»⁵. Таким образом, можно предположить, что существует некая когорта, занимающая как бы промежуточное положение между собственно исполнителями международных преступлений и лицами, ничем не запятнавшими себя. Возникает вопрос: как быть с ними? Есть ли резон проводить углубленный анализ личностей, составляющих промежуточную когорту, даже если против них никогда не выдвигались обвинения и до конца своих дней они считались ни в чем не виноватыми?

Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов еще один нюанс. Калигула, Наполеон, Гитлер — все они были незаурядными личностями, к анализу которых можно подойти с различных позиций. Не случайно о фигуре, скажем, И. В. Сталина вот уже несколько десятилетий не утихают жаркие споры. Однако все они, без преувеличения, представляли собой своеобразный микрокосм, в котором уживалось случайное и предопределенное, стихийное и сознательно выработанное. Парадоксально, но эти личности столь же многогранны, как многогранен каждый из нас. Разница лишь в том, что названные исторические персонажи стояли на вершине пирамиды власти и от решений, принимаемых ими, зависели судьбы миллионов людей во всем мире. А значит, не совсем понятно, как подходить к уголовно-правовой оценке их деятельности, особенно в ситуации, когда многие из их указаний носили устный характер и озвучивались сугубо в узком кругу приближенных.

Так, на процессах в Международном трибунале по бывшей Югославии (далее — МТБЮ) обвинение столкнулось с рядом проблем, ставших классическими при международных расследованиях. В их числе необходимость сотрудничать с национальными властями, нередко замешанными в кровавых злодеяниях своих предшественников, ощутимая национальная специфика взаимоотношений внутри государственного аппарата, не всегда очевидная для представителей фазы обвинения (по преимуществу англосаксонских юристов), сжатые сроки проведения следственных действий, неготовность к сотрудничеству со стороны местного населения, пострадавшего от международных преступлений, и т. д.⁶ Все это существенным образом запутывает обстоятельства дела и препятствует установлению истины.

Таким образом, правовое сознание лиц, совершивших международные преступления, изучено явно недостаточно. Однако некоторые имеющиеся данные, в том числе фундаментальное исследование, проведенное

² См.: Арентс Х. *Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*. М.: Скрипториум, 2021.

³ Как утверждается в новейшей исторической литературе, ирония истории на процессе по делу Петэна в 1945 году состояла в том, что и председательствующий, и обвинитель были до освобождения Франции яркими вишистами, а из всех французских магистратов, работавших в судах на момент начала немецко-фашистской оккупации в 1940 году, только один — П. Бушардон — отказался принять присягу на верность оккупационной администрации. См.: Бурлаков А. Н. *Петэн. Последний великий француз*. СПб.: Владимир Даль, 2022. С. 334.

⁴ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. Т. 1 / отв. ред., автор предисл. А. М. Рекунков. М.: Юрид. лит., 1987. С. 148.

⁵ Ассман А. *Длинная тень прошлого* / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 259.

⁶ Подробнее см.: Антонов А. Н. *Требования проведения «эффективного расследования» преступлений и некоторые аспекты их реализации в связи с вооруженными конфликтами* // Международное правосудие. 2015. № 2 (14). С. 99–113.

нидерландскими криминологами⁷, позволяют все же установить определенные корреляции между характером совершенных злодеяний и дефектами правового сознания, отличающими преступников этого рода от лиц, совершивших общеуголовные деликты. Остановимся на них подробнее.

1. Роль личности в механизме «системной преступности»

Международные преступления, как правило, характеризуются массовостью, вовлеченностью в их совершение значительного числа людей, определенным контекстом, сопутствующим их совершению — широкомасштабным или систематическим нападением на гражданских лиц в случае преступлений против человечности или наличием плана или политики или крупномасштабным совершением при преступлениях военных. Вот почему в криминологических исследованиях в отношении военных преступлений все чаще используется термин «системная преступность» или «макропреступность». Речь идет о том, что, как писал немецкий ученый Г. Егер, «преступление индивида обусловлено конфликтом, в который вовлечено все общество. Следовательно, оно укладывается в определенные изменения и события, происходящие на макроуровне. С этой точки зрения это не девиантное, а конформное поведение»⁸.

Российский ученый-международник Г. И. Богуш выделяет следующие черты системной преступности: 1) международные преступления всегда носят коллективный характер (так, в геноцид 1994 года в Руанде по самым скромным подсчетам были вовлечены более миллиона человек); 2) для нее характерно существенное «разделение труда» как по вертикали (начальник-подчиненный), так и по горизонтали (военный, пропагандист, хозяйственный руководитель и т. д.); 3) исполнители, то есть лица, находящиеся на нижнем уровне «системы», являются заменяемыми, но при этом необходимыми частями общего механизма; 4) наличествует связь преступлений с коллективными образованиями (крупными корпорациями, правящими партиями, государством в целом); 5) вовлеченность в совершение преступлений может выражаться в активной или пассивной форме⁹; 6) особый «нормативный климат» внутри коллективного образования, при котором криминальные акты не направлены против действующих норм, а напротив, отвечают сложившейся патологической нормативной системе, и, наконец, 7) взаимная деперсонализация преступников и жертв системного насилия¹⁰.

Очевидно, что подобного рода система «контролируемого беззакония» (англ.: *controlled lawlessness*) ставит общество перед выбором: дистанцироваться или принять участие в происходящем, попытавшись к тому же стать его бенефициаром? Люди отвечают на этот вопрос по-разному. Одни предпочитают скрыться, уехать из страны или сконцентрироваться на своей частной жизни.

Но последнее удается в условиях несвободы далеко не всегда. Как заметил в «Истории одного немца» С. Хафнер, «частный человек все время в обороне. Он ничего не хочет, кроме как сберечь то, что он считает своей личностью, своей собственной личной жизнью и своей личной честью. Все это постоянно подвергается невообразимо брутальным, хотя и довольно неуклюжим атакам со стороны государства... Жесточайшими угрозами государство добивается от частного человека, чтобы он предал своих друзей, покинул свою любимую, отказался от своих убеждений и принял бы другие, предписанные сверху... посвящал бы свой досуг занятиям, которые ему отвратительны; позволял бы использовать себя, свою личность в авантюрах, которые он не приемлет... и при всем этом выказывал бы неумный восторг и бесконечную благодарность»¹¹. Поэтому дилемма, которая стоит перед стремящимся сохранить себя человеком, поистине трагична: «внутренняя эмиграция» (которая, как мы убедились, тоже не всегда возможна) либо отъезд за границу.

Но еще более страшна участь тех, кто решает остаться и пойти в услужение неправовой государственной системе. Вот здесь и открывается поле для научного поиска: какой мотивацией движимы такие люди? Чем они руководствуются: корыстолюбием или идеализмом? Насколько далеко они могут зайти в своем стремлении поймать «жар-птицу» успеха за счет несчастья других? И можно ли верить их раскаянию, когда на длинной исторической дистанции неправовая государственно-правовая система в конечном итоге терпит крах?

⁷ См.: *Perpetrators of International Crimes* / ed. by A. Smeulers, M. Weerdestein, B. Hola. Oxford : Oxford University Press, 2019.

⁸ Цит. по: Harrendorf S. *How Can Criminology Contribute to an Explanation of International Crimes?* // *Journal of International Criminal Justice*. 2014. Vol. 12. № 2. P. 233.

⁹ Здесь представляется вполне уместным обратиться к концепции прославленного профессора Университета имени Гумбольдта, автора романа «Чтец» Б. Шлинка. Он выделяет так называемые «первую вину» и «вторую вину». Первая заключается в совершении активных действий, направленных на нанесение непоправимого урона дискриминируемым группам, вторая — в умалчивании и замалчивании произошедшего, а также в нерешительном уголовном преследовании преступников. См.: Шлинка Б. *Роль права в преодолении прошлого* // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 331, 332.

¹⁰ Богуш Г. И. *Концепция системной преступности в международном уголовном праве* // *Міжнародна криминологія: стан і перспективи*: зб. О. : Фенікс, 2010. С. 251–254.

¹¹ Хафнер С. *История одного немца* / пер. с нем. Н. Елисеева. СПб. : Изд-во И. Лимбаха, 2022. С. 7, 8.

Отвечая на последний вопрос, обратимся к приговору, постановленному по результатам малого (последующего) Нюрнбергского процесса № 9. В нем сказано: «Тот, кто делает выбор в пользу участия в предприятии, которое может окончиться провалом, должен выбирать между тем, чтобы отказаться от этого предприятия, если оно ему не нравится, и тем, чтобы в нем участвовать — и выиграть или проиграть в зависимости от исхода... Другие — те, кто храбрее, имели более высокие моральные принципы и были более привержены старым германским идеалам, — восстали и вышли из жестокой клики... У этих людей хватило характера, чтобы отринуть большое зло, и то, что это было связано для них с риском и жертвами, не помешало им сделать выбор в пользу достоинства, справедливости и чести. У обвиняемого (Отто Олендорфа. — А. Е.) тоже была возможность встать в ряды тех, кто отказался участвовать в строительстве здания зла под руководством несправедливого вождя, но он ею не воспользовался, а раскаяние, которое он демонстрирует, пришло слишком поздно...»¹².

В последние годы на Западе стало формироваться особое направление научных исследований, находящееся на стыке криминологии и международного права — международная криминология. В этой связи можно отметить работы К. Амбоса, А. Смейлерс, Б. Холы, А. Ноллкемпера, некоторых других авторов. Все они пытаются, хотя и каждый по-своему, уяснить место международных преступников в криминологической классификации. Ведь сколь ни велика вина государства и коллективных образований в создании обстановки «системной безнаказанности», последнее слово остается за человеком, делающим тот или иной выбор. Как подчеркивалось в приговоре МВТ в Нюрнберге, «преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права»¹³.

На сегодняшний день логика рассуждений криминологов выглядит следующим образом. Человек сам по себе не плох и не хорош. Он, несмотря на внутренний стержень, имеющийся у каждого, во многом таков, каким его формируют внешние обстоятельства (о степени их влияния, имплицитном или эксплицитном характере, фатальности для человеческой судьбы и т. д. можно дискутировать). В любом случае, никто не рождается садистом или геноцидарием. Следовательно, есть основания говорить о феномене «обычных людей в необычных обстоятельствах»¹⁴. К числу последних, как мы уже упоминали, относится режим «контролируемого беззакония», сложившийся в том или ином государстве в определенный исторический период (в Германии в 1933–1945 гг., СССР — 1917–1986 гг.¹⁵, Югославии — 1989–2000 гг. и т. д.). В свою очередь, этот режим обязывает индивида повиноваться своим распоряжениям, нередко весьма далеким не только от правовых принципов, но и элементарных соображений морали (феномен «правонарушающего законодательства»). Путем отдачи прямых приказов или подстрекательства к совершению преступлений такой режим стремится достичь поставленных целей, втягивая в свою орбиту как можно больше людей, которые, не будь этого режима, никогда бы не вступили на путь массовых беззаконий, а остались бы в роли уважаемых отцов семейств, прилежных налогоплательщиков и владельцев недвижимости¹⁶.

Естественно, не стоит впадать в другую крайность и рассматривать международных преступников как пассивных жертв ситуации, достойных скорее сочувствия, а не осуждения. Повторимся: окончательный выбор всегда остается за человеком (кроме, разумеется, случаев прямого принуждения к совершению военных преступлений по формуле «или-или», что имело место в случае упоминавшегося ранее Д. Эрдемвича). В противном случае, придется прийти к неутешительному выводу, что почти все мы — потенциальные международные преступники. И если, как писала Х. Арендт, некто в зале суда заявит, что он был всего лишь винтиком в системе, ему немедленно зададут следующий вопрос: «А почему, с вашего позволения, вы стали этим винтиком или продолжили им быть при таких обстоятельствах?»¹⁷

Как бы то ни было, сложившиеся реалии входят во взаимодействие с тремя наиболее распространенными социальными типами: 1) законопослушными гражданами, которые быстро адаптируются к изменяющимся условиям, относительно успешны и считались законопослушными еще до наступления эры безнаказанности;

¹² Цит. по: Давид Э. *Принципы права вооруженных конфликтов*. М.: МККК, 2011. С. 951, 952.

¹³ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. Т. 8. / сост., автор предисл., отв. ред. Н.С. Лебедева. М.: Юрид. лит., 1999. С. 609.

¹⁴ Smeulers A. *Perpetrators of International Crimes: Towards a Typology* // *Supranational Criminology: Towards a Criminology of International Crimes* / ed. by A. Smeulers, R. Haveman. Intersentia, 2008. P. 234.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 года № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента РФ от 23 августа 1991 года № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» от 25 августа 1991 года № 90 «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» от 6 ноября 1991 года № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР».

¹⁶ Статистические данные подтверждают сказанное. Так, 72% всех судимых за военные преступления в 1945 году были женатыми людьми, почти всегда, в недалеком прошлом, государственными служащими, верующими (хотя протестантами чаще, чем католиками) и происходили из бывших немецких территорий или пограничных земель. См.: Манн М. *Темная сторона демократии*. СПб.: Питер, 2023. С. 368.

¹⁷ Арендт Х. *Ответственность и суждение* / пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. С. 63.

2) неким «пограничным» типом, то есть людьми, которые менее успешны, чем принадлежащие к первой категории, менее удовлетворены занимаемым в обществе положением, а потому видят в тяжелой обстановке не столько новые риски, сколько возможности «социального лифта» для себя и членов своей семьи, и, наконец, 3) закоренелыми преступниками, которые всегда были не в ладах с законом и в силу этого поставили свои преступные наклонности на службу недемократическому режиму, используя риторику правящего режима как формальное обоснование своих действий¹⁸.

Каким же образом неблагоприятные условия, созданные атмосферой беззакония, влияют на обозначенные типы? Способствуют ли они возникновению новых психотипов или корректируют в определенном направлении уже имеющиеся? Что может сообщить нам об этом судебная практика, формирующаяся органами международной уголовной юстиции? Обратимся к анализу эмпирических данных.

2. Социально-демографическая характеристика международных преступников

Прежде чем перейти непосредственно к социально-демографическим показателям, уместно проанализировать расследования, ведущиеся органами международного уголовного правосудия, с точки зрения того, преступники какого уровня чаще всего попадают в их орбиту. В этой связи характерно полное наименование МВТ в Нюрнберге — Международный военный трибунал для судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских стран «оси». При этом под «главными военными преступниками» имелись в виду те, чьи преступления, как было сказано в Московской декларации 1943 года об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства, «не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств-союзников»¹⁹. В результате на скамье подсудимых в Нюрнберге оказались высшие руководители рейха (Геринг, Гесс, фон Риббентроп и другие).

Однако модель Нюрнберга не типична, поскольку судебному процессу предшествовала победа союзников во Второй мировой войне и установление полного контроля над поверженной Германией. Деятельность последующих международных уголовных судов и трибуналов протекала уже в менее комфортных условиях: зачастую они сталкивались с откровенным саботажем со стороны местных элит. Так, бывший Прокурор МТБЮ и Международного трибунала по Руанде (далее — МТР) К. дель Понте в мемуарах без обиняков призналась, что разделение занимаемой ею должности на две, произошедшее в 2003 году, и назначение на ее место в МТР более покладистого Х. Яллоу было связано с давлением официального Кигали, усилившимся после попытки привлечь к ответственности президента Руанды П. Кагаме²⁰.

Поэтому чаще органы международного уголовного правосудия вынуждены «довольствоваться» руководителями среднего звена и даже рядовыми исполнителями, выдачи которых гораздо легче добиться от национальных властей, нежели бывших министров и глав государств. На юридическом сленге такой контингент иронично именуется «мелкой рыбешкой». Ярчайшим примером здесь может служить практика Международного уголовного суда (далее — МУС), который за более чем двадцатилетнюю деятельность, признал виновными лишь пять человек, относившихся скорее к преступникам средней руки (конголезцы Лубанга, Катанга, Нтаганда, аль-Махди из Республики Мали и Огвен из Уганды)²¹. Справедливости ради отметим, что «крупная рыба» в лице бывших президентов Кении У. Кениаты или Кот-д'Ивуара А. Гбагбо также преследовалась МУС, однако они были оправданы по результатам проведенных судебных разбирательств.

Впрочем, не будем писать панораму международного уголовного правосудия исключительно черными чернилами. Достаточно привести в пример МТБЮ, который начинался с расследования преступлений бывшего инструктора по карате в провинциальном Козараце Д. Тадича, а завершился процессами в отношении С. Милошевича, А. Готовины, Р. Младича, Р. Караджича, Р. Харадиная и иных руководителей высшего уровня. Не зря первый Прокурор МТБЮ Р. Голдстоун любил повторять: «Мы здесь не для того, чтобы судить тадичей»²².

Итак, если брать за точку отсчета 1945 год, то 94,7 % осужденных по приговору Нюрнбергского трибунала были руководителями высшего звена (исключение составляет пропагандист Ю. Штрейхер). Для Токийского трибунала, МТБЮ и МТР этот показатель составил 100, 11 и 27,8 % (включая бывшего премьер-министра

¹⁸ Smeulers A. *Op.cit.* P. 237.

¹⁹ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. В 8 т. Т. 1. С. 106.

²⁰ Понте К. дель, Судетич Ч. *Охота. Я и военные преступники*. М.: Эксмо, 2008. С. 368–397.

²¹ Подробнее см.: Ferdinandusse W., Whiting A. *Prosecute Little Fish at the ICC* // *Journal of International Criminal Justice*. 2021. Vol. 19. № 4. P. 759–781.

²² Hazan P. *Justice in a Time of War*. Texas: Texas A & M University Press, 2004. P. 57.

Ж. Камбанду) соответственно²³. Любопытно, что в МТР из двадцати членов руандийского правительства, против которых были выдвинуты обвинения, двенадцать были признаны виновными, шесть оправданы, в отношении одного человека обвинения были отозваны и еще один скрывается от правосудия²⁴. Высок процент осужденных руководителей в Специальном суде по Сьерра-Леоне (далее — Спецсуд) — 88,9 %; среди них был и бывший президент страны Ч. Тейлор. И это не случайно, поскольку в Уставе Спецсуда сказано, что он полномочен осуществлять судебное преследование лиц, которые несут наибольшую ответственность, включая лидеров, которые при совершении преступлений ставили под угрозу установление и осуществление мирного процесса в Сьерра-Леоне (статья 1). В Чрезвычайных судебных палатах по Камбодже двое из трех осужденных были бывшими премьер-министрами. Наконец, в Специальных судебных палатах по Косово сейчас слушаются обвинения против экс-президента непризнанной республики Х. Тачи и экс-спикера парламента К. Весели.

Среди руководителей среднего звена (начальников структурных подразделений министерств, руководителей СМИ, командиров тактического уровня) на Нюрнбергском процессе были осуждены 5,3 %, на Токийском — ни одного, в МТБЮ — 28,4 %, в МТР — больше половины, а в Спецсуде — 11 %²⁵. В Чрезвычайных судебных палатах по Камбодже доля осужденных руководителей среднего уровня составила 33 %. Несмотря на столь высокий процент, по факту речь идет всего лишь об одном из трех осужденных — начальнике тюрьмы S-21 Канг Кек Иеу.

Наконец, рядовые исполнители международных преступлений в Нюрнберге, Токио, МУС, Спецсуде и палатах по Камбодже вовсе не привлекались к ответственности, а в МТБЮ, МТР и гибридном суде по Восточному Тимору их доля составила 45,7, 18 и 35 % соответственно²⁶. Это объясняется тем, что Нюрнбергский и Токийский трибуналы изначально задумывались как суды над высшими руководителями, ввергнувшими человечество в пучину Второй мировой войны. МУС действует, исходя из принципа комплементарности, согласно которому он дополняет национальные системы уголовного правосудия (статья 1 Римского статута), а потому рядовые исполнители, как правило, попадают в сети национальной Фемиды. Кстати сказать, первого обвиняемого в МУС — Т. Лубангу — должны были судить в Конго, однако он был передан в Гаагу под давлением харизматичного Л.-М. Окампо, бывшего тогда Прокурором МУС и заинтересованного в том, чтобы Суд наконец начал рассматривать дела по существу²⁷. Что касается Чрезвычайных судебных палат по Камбодже, то те, истратив 330 миллионов долларов США и осудив всего лишь троих человек, показали себя неэффективным трибуналом. Несколько по-иному был организован гибридный суд по Восточному Тимору, активно привлекавший к ответственности рядовых исполнителей, но потерпевший неудачу, когда речь шла о «крупной рыбе», например, о генерале Виранто, которого Индонезия отказалась выдать суду²⁸.

Перейдем теперь к половозрастным и иным характеристикам. Так, 99 % всех осужденных органами международного уголовного правосудия были мужчинами. Известное исключение составляют лишь вице-президент Республики Сербской Б. Плавшич — первая женщина на скамье подсудимых в Гааге, и министр по делам семьи и молодежи Руанды П. Нирамасухуко, приговоренная к пожизненному заключению и ставшая первой женщиной, которой были предъявлены обвинения в геноциде. Средний возраст преступника, попавшего в орбиту международного правосудия, на момент совершения преступлений составляет 40 лет. Эта цифра совпадает, в частности, со средним возрастом обвиняемых в международных уголовных трибуналах *ad hoc* (МТБЮ и МТР). Лица более старшего возраста, относившиеся к политической элите, предстали перед Нюрнбергским и Токийским трибуналами, где средний возраст был 48 и 57 лет соответственно. В целом в международном уголовном правосудии действует корреляция, согласно которой чем более высокого уровня «клиентела» того или иного трибунала, тем старше средний возраст обвиняемых. Напротив, самым молодым был 17-летний обвиняемый в гибридном суде по Восточному Тимору, которому в момент совершения преступлений исполнилось лишь 14 лет. В результате он был приговорен к одному году лишения свободы за убийство.

В этом аспекте со значительными трудностями столкнулся Спецсуд, имевший дело с множеством детей-солдат в возрасте от 15 до 18 лет. Генеральный секретарь и Совет Безопасности ООН даже были вынуждены

²³ Smeulers A., Hola B., van den Berg T. *Sixty-Five Years of International Criminal Justice: The Facts and Figures* // International Criminal Law Review. 2013. Vol. 13. P. 26.

²⁴ Idem. *Perpetrators of International Crimes*. P. 58.

²⁵ *Ibid.* P. 26.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ Шабас У. «Порог серьезности» в Римском статуте МУС // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: ИПИП, 2009. С. 295, 296.

²⁸ Smeulers A., Hola B., Berg T. van den. *Op.cit.* P. 28.

выступить с совместным заявлением, в соответствии с которым, по их мнению, таких преступников целесообразно не привлекать к уголовной ответственности в процедурах Спецсуда, а «пропускать» через несудебную Комиссию правды и примирения, функционирующую по принципу «правда в обмен на правосудие»²⁹. В соответствии с ним лицо освобождается от уголовной ответственности или приговаривается к незначительному сроку, если согласится свидетельствовать перед общественной комиссией, состоящей из авторитетов нации и призванной составить объективную картину произошедшего.

Вместе с тем это не снимает полностью проблему детей-солдат. Она по-прежнему актуальна для международного правосудия, в частности МУС, в котором последний по времени обвинительный приговор был вынесен в 2021 году в отношении боевика угандийской «Господней армии сопротивления» Д. Огвена. Как известно, он еще в 9-летнем возрасте был похищен представителями названной вооруженной группировки и поставлен под ружье³⁰. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ходе судебного разбирательства адвокаты Огвена пытались апеллировать к милосердию судей, предлагая назначить ему наказание по отбытому под стражей (Огвен находился в тюрьме с 2015 года), подвергнув его впоследствии традиционному для его родины ритуалу *Mato Oput* и предоставив возможность продолжить реабилитацию с семьей на ферме³¹.

В таких случаях перед органами международного уголовного правосудия встает дилемма: либо действительно передавать подобные дела комиссиям правды и примирения, либо уступать свою юрисдикцию национальным судам, где затем они будут рассматриваться по правилам ювенальной юстиции, либо самостоятельно разрешать эти дела по достижению обвиняемыми возраста уголовной ответственности (в МУС — с 18 лет по статье 26 Римского статута) при условии, что совершение ими преступлений продолжалось и после наступления 18-летнего возраста³².

Говоря об уровне образования, отметим, что здесь амплитуда крайне широка: от доктора Г. Франка, президента Германской академии права, приговоренного на Нюрнбергском процессе к смертной казни через повешение, до безграмотных крестьян, чьи дела разбирал гибридный суд по Восточному Тимору. Значительный процент не владеющих грамотой наблюдался и среди участников геноцида в Руанде, однако их дела, как правило, рассматривались на местном уровне судами гачача.

3. Типология международных преступников

Вопрос о личностных типах международных преступников относится к числу наиболее сложных, поскольку находится на стыке собственно права и психологической науки. Ряд авторов, прежде всего Д. В. Ольшанский, подходят к его решению с привычной исследовательской оптикой, увязывая типы личности с типами темперамента (холерик, меланхолик и т. д.)³³. Однако такая классификация, вполне уместная в психологической литературе, мало что может дать юристу. В то же время механическое разделение на преступников высшего, среднего и низшего звена тоже во многом носит условный характер и не учитывает тех неповторимых черт личности, которые дают нам возможность утверждать о существовании особого типа преступников, по своему поведению и направленности личности резко отличающихся от остальных представителей криминального мира. Вопрос вопросов: имеем ли мы дело с неким уникальным типажом, встречающимся относительно редко, например, только в переломные эпохи, или же любой человек, как утверждалось выше, может стать международным преступником?

Мало кто знает, что еще в 1946 году, после поражения Германии во Второй мировой войне, в американской зоне оккупации был принят специальный закон «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма» (далее — закон № 104). На его основании в каждой федеральной земле были созданы «министерства политического освобождения», а в каждом городе и округе — судебные трибуналы и апелляционные трибуналы для пересмотра решений. По новым правилам каждый немец, достигший 18-летнего возраста, должен был зарегистрироваться, заполнить подробную биографическую анкету и пройти процедуру проверки. Судебные трибуналы как раз и принимали решения о причислении зарегистрировавшихся к одной из пяти категорий, с каждой из которых были связаны определенные обременения: 1) главные виновные; 2) виновные (активисты, милитаристы, извлекатели прибыли); 3) незначительно виновные; 4) попутчики и 5) невинные. Регистрация была одним из условий выдачи продуктовых карточек, что не преминуло сказаться на ее массовости — из 17 млн человек, проживавших в американской зоне оккупации, к маю 1948 года

²⁹ *Ibid.* P. 32.

³⁰ Branch A. *Dominic Ongwen on Trial: the ICC's African Dilemmas* // International Journal of Transitional Justice. 2017. Vol. 11. № 1. P. 38.

³¹ ICC. *Situation in Uganda in the Case of the Prosecutor v. Dominic Ongwen*. Sentence. 6 May 2021. §18. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2021_04230.PDF (дата обращения: 12.04.2023).

³² Stahn C. *A Critical Introduction to International Criminal Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 316, 317.

³³ Ольшанский Д. В. *Психология террора*. М. : Академ. Проект, 2002. С. 206–213.

зарегистрировались около 13,2–13,4 млн немцев³⁴. Это первая из известных нам попыток каким-то образом упорядочить общую массу лиц, потенциально замешанных в совершении международных преступлений. В итоге решениями судов по денацификации признаны: «главными виновными» — 1,6 тыс. человек, «виновными» и «незначительно виновными» — 128 тыс., «попутчиками» — 482,7 тыс., «невиновными» — 18,3 тыс., еще более 300 тыс. человек были амнистированы (прекращены судебные процессы и проч.)³⁵.

Доктринальные подходы к обозначенной проблеме гораздо шире. Так, французский ученый Ф. Блох-Ленз выделял пятнадцать различных типов вишистов. При этом лейтмотивом его исследования явилось то, что французские чиновники, большинство которых закончило легендарную Политехническую школу (фр.: *Ecole Polytechnique*), были озабочены в большей мере не моральными терзаниями, а тем, как лучше сделать свою работу в новых необычных условиях. В теории переходного правосудия такое состояние именуется синдромом «моста через реку Квай», к чему мы еще вернемся³⁶. Ю. Эльстер выделяет три основных типа международных преступников: фанатики (искренне верующие, что занимаются праведным делом); оппортунисты (расчетливые профессионалы, стремящиеся, несмотря ни на что, сделать карьеру) и конформисты (слабые, безвольные люди, руководствующиеся мотивом типа «все так поступают — и я тоже»)³⁷. По мнению Г. Леви, среди немцев, участвовавших в массовых расстрелах евреев, число фанатиков не превышало половины³⁸, а по мнению другого исследователя, М. Манна, таковых было не более 20 %; остальные же действовали по старому немецкому принципу «приказ есть приказ» (нем.: *Befehl ist Befehl*)³⁹.

Становится очевидным, что несмотря на существенные различия, всех этих людей объединяет нечто общее, а именно — стойкость и глубина искажения нравственного и правового сознания, позволяющая им совершать тягчайшие преступления по международному праву. Как сказано в приговоре Нюрнбергского трибунала, «один Гитлер не мог вести агрессивной войны. Он нуждался в соотрудничестве со стороны государственных деятелей, военных лидеров, дипломатов и дельцов. И когда они, зная о его целях, начали сотрудничать с ним, они сделали себя участниками того плана, который он создал»⁴⁰. Однако степень ответственности этих людей, разумеется, различна. Это видно даже по карательной политике самого МВТ, в котором диапазон вынесенных приговоров колебался от смертной казни до оправдания. Следовательно, даже среди руководителей высшего уровня возможна различная степень участия в подготовке и совершении международных преступлений, детерминированная, помимо прочего, не только занимаемым положением виновного, но и его личными психофизиологическими качествами.

В рамках настоящего исследования предлагается выделять следующие наиболее часто встречаемые типы международных преступников: политик-манипулятор, «жертва обстоятельств», бюрократ, «человек долга», садист, извлекатель прибыли. История знает ярких представителей каждого из них и в принципе названные типы можно обнаружить в любом сколько-нибудь значимом вооруженном конфликте. При этом к достоинствам предлагаемой классификации можно отнести то, что каждый из типов содержит в себе относительно законченный образ преступника. Поэтому взаимные пересечения и дублирование между ними весьма ограничены, в то время как провести грань между преступником-оппортунистом и преступником-конформистом (в терминах Ю. Эльстера) на практике не представляется возможным. Впрочем, это отнюдь не означает, что приведенная классификация является исчерпывающей. Каждый тип включает в себя более или менее широкий спектр подтипов, описание которых выходит за рамки настоящего исследования.

Политик-манипулятор. К хрестоматийным образцам данного типа можно отнести А. Гитлера и его приспешников, в целом представителей политической элиты, стоявшей у истоков любого режима, при котором стали возможны массовые беззакония. В литературе представителей этого типа еще называют «преступными вдохновителями» (англ.: *criminal mastermind*)⁴¹. Как правило, это главы государств или люди, занимающие высокое должностное положение в государственном аппарате. Вот как, например, оценил Нюрнбергский трибунал роль Г. Геринга: «После его собственных признаний перед Трибуналом, при учете положения, которое он занимал, характера совещаний, на которых он участвовал, публичных речей, которые он

³⁴ Лезина Е. *XX век: проработка прошлого*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 41, 42.

³⁵ Вислов С. И., Кульбакин В. Д. *Союзники и «германский вопрос» (1945–1949 гг.)*. М.: Наука, 1990. С. 233.

³⁶ Подробнее о дилеммах, стоявших перед французскими чиновниками в эпоху Виши, отголоском которых в судебной плоскости стало «дело Папона», см. цикл публикаций А. Н. Бурлакова в: *Clio-Science: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза* // Сб. науч. тр. Вып. VII–IX. М.: МПГУ, 2016–2017.

³⁷ Elster J. *Closing the Books: Transitional Justice in Historical Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 137.

³⁸ Леви Г. *Преступники. Мир убийц времен Холокоста* / пер. с англ. Н. Бородавкиной. М.: АСТ: ОГИЗ, 2019. С. 101.

³⁹ Манн М. *Там же*. С. 330.

⁴⁰ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. В 8 т. Т. 8. С. 612.

⁴¹ Smeulders A. *Op.cit.* P. 244.

произносил, не может оставаться никакого сомнения в том, что Геринг был движущей силой агрессивной войны, уступая в этом только Гитлеру»⁴².

Психологический портрет таких личностей характеризуется жаждой славы, упоением властью над людьми и со временем — любовью к красивой жизни. Характерным примером здесь опять-таки может служить рейхсмаршал Геринг с его страстью к наградам, расшитым золотом мундирам, роскошным поместьем «Каринхалле», названным так в честь первой жены, и т. д. Впрочем, привычки сибарита могут и не проявиться — достаточно вспомнить Гитлера с его весьма аскетичным образом жизни. Поэтому эти качества являются относительно распространенными, но отнюдь не обязательными. Главное другое — жажда власти, манипулятивный склад личности (по выражению А. П. Чехова, «деспоты всегда были иллюзионистами»), особого рода харизма, — отталкивающая и привлекающая одновременно.

Сравнивая две яркие личности эпохи Веймарской республики — А. Гитлера и министра иностранных дел В. Ратенау (убитого в 1922 году), С. Хафнер пишет: «Заурядность в паре с добросовестным отношением к делу могут принести политику популярность; но последняя любовь и последняя ненависть, обожествление и демонизация достаются только незаурядной личности; тому, кто недостижим для массы, а выше он или ниже среднего уровня — не так важно... Ратенау и Гитлер как раз и были аномальными явлениями, которые до крайности возбудили фантазию немецкой народной массы: один — своей необъятной культурой, другой — своей необъятной пошлостью»⁴³.

Любопытно, что в западной литературе этот тип подразделяется на несколько подтипов: жесткий авторитарист (А. Пиночет), безжалостный диктатор (С. Хусейн), харизматичный, но глубоко деструктивный лидер (А. Гитлер)⁴⁴. Примечательно, что зачастую такие люди весьма утилитарно относятся к политической идеологии. У того же Гитлера были только две по-настоящему важные для него идеи: расширение «жизненного пространства» для немецкого народа путем захвата новых земель и дискриминация евреев, переросшая затем в их уничтожение. Во всем остальном он был весьма прагматичен.

«Жертва обстоятельств». Как известно, одним из обстоятельств, исключая индивидуальную уголовную ответственность по международному праву, выступает принуждение (англ.: *duress*). В соответствии со статьей 31(1)(d) Римского статута деяние, которое предположительно представляет собой преступление, подпадающее под юрисдикцию МУС, является вынужденной ответной реакцией на угрозу неминуемой смерти либо неминуемого причинения тяжких телесных повреждений или продолжения причинения таких повреждений для него самого или для другого лица, и это лицо принимает необходимые и разумные меры для устранения этой угрозы, при условии, что это лицо не намерено причинить больший вред, чем тот, который оно стремилось предотвратить. Такая угроза может: i) либо исходить от других лиц; ii) либо быть создана другими обстоятельствами, не зависящими от этого лица.

По-видимому, это основание предстает одним из наиболее дискуссионных в юридической науке и практике. Так, не совсем понятно, считать ли его полностью исключаящим уголовную ответственность или все же смягчающим вину обстоятельством. Особенно остро этот вопрос встал в ходе рассмотрения в МТБЮ дела Д. Эрдемовича, история которого даже спустя десятилетия поражает своим трагизмом. Родившийся в смешанной сербско-хорватской семье, проживавший на территории Боснии Д. Эрдемович был в начале войны 1991–1995 годов мобилизован в боснийскую армию, затем перешел на сторону «Хорватского войска», а закончил ее в рядах армии Республики Сербской. Таких «полукровок» боснийские сербы посылали служить в 10-й штурмовой взвод, поручая им самую неблагоприятную работу. В частности, 16 июля 1995 года взвод практически без передышки расстреливал у села Пилица пленных мусульман из Сребреницы. За день было уничтожено примерно 1200 человек⁴⁵.

На суде Д. Эрдемович полностью признал свою вину, заключил сделку с обвинением, помогал идентифицировать трупы из захоронений. Свои действия он объяснял тем, что вначале, когда он отказался от выполнения приказа, ему дали понять, что в случае неповиновения он ляжет в могилу вместе с жертвами. «Меня заставили принять участие в расстреле. Мне пришлось выбирать между собственной жизнью и жизнями этих несчастных. Если бы я тогда потерял свою жизнь, судьба этих людей не стала бы иной. Их судьбу решал кто-то, занимающий куда более высокий пост, чем я»⁴⁶.

Фатальность ситуации, не оставившей Д. Эрдемовичу выбора (точнее, оставившей лишь моральный), была доказана вне всякого сомнения. Поэтому при вынесении приговора мнения судей разделились. Большинство

⁴² Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. В 8 т. Т. 8. С. 662.

⁴³ Хафнер С. Там же. С. 56.

⁴⁴ Smeulers A. *Op.cit.* P. 244.

⁴⁵ Шарый А. *Трибунал. Хроника незаконченной войны*. М.: Права человека, 2003. С. 182–184.

⁴⁶ ICTY. *Prosecutor v. Drazen Erdemovic. Sentencing Judgement. 5 March 1998. §14.*
URL: <https://www.icty.org/x/cases/erdemovic/tjug/en/erd-tsj980305e.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

пришло к выводу, что подсудимый заслуживает снисхождения, но не освобождения от ответственности, поскольку «принуждение не является основанием, в полной мере освобождающим от ответственности солдата, обвиняемого в совершении преступления против человечности и/или военного преступления, связанного с убийством невинных людей»⁴⁷.

Оставшийся в меньшинстве судья А. Кассезе полагал, что рядовые солдаты или полицейские слишком слабы, чтобы не подчиняться приказам, неисполнение которых может поставить их жизни под угрозу. Люди, принадлежащие к силовым структурам, хотя и привыкли к большему риску, нежели обычные граждане, все равно не защищены настолько, чтобы обезопасить себя от всех видов незаконного поведения их начальников. Поэтому обстоятельства подобного рода должны учитываться в контексте каждого конкретного дела. С этой точки зрения, по мнению А. Кассезе, подлинными преступниками являются те, кто позволил произойти подобному в Сребренице, а не козлы отпущения, как Д. Эрдемович. Если бы даже он повел себя как герой и отказался стрелять, несколькими минутами позже он бы лег в землю рядом со своими жертвами⁴⁸.

Бюрократ. Когда говорят о таком типе международного преступника, традиционно вспоминают А. Эйхмана, начальника отдела гестапо, ответственного за логистическое, как сказали бы сейчас, сопровождение «окончательного решения еврейского вопроса». Скромный, невзрачный, заикающийся человек. Как и всякий преступник, не очень счастливый. Х. Арндт писала, насколько болезненным для него было то, что в СС он дослужился лишь до оберштурмбанфюрера (ранг, соответствующий подполковнику)⁴⁹. И даже поражение Германии он воспринял как личную трагедию не потому, что страна, гражданином которой он был, во второй раз в XX веке проиграла мировую войну, а потому что система, которой он так ревностно служил, перестала существовать. Вот что он заявил на процессе в Иерусалиме в 1961 году: «Я чувствовал, что мне предстоит трудная жизнь, жизнь индивидуума, у которого нет вождя, мне больше не от кого будет получать указания, больше мне не будут отдаваться приказы и команды, и больше не будет четких предписаний, с которыми я мог бы сверяться, — короче, передо мной лежала совершенно неизвестная и непонятная мне жизнь»⁵⁰.

В общественном мнении сильно заблуждение, что такие служаки, как правило, бескорыстны. Однако в новейшей исторической литературе утверждается обратное. Так, следственный судья Суда СС К. Морген в 1944 году добивался уголовного преследования Эйхмана на том основании, что тот присвоил материальные ценности, принадлежавшие депортированным по его приказу евреям (так называемое дело о мешочке с бриллиантами). И только личное заступничество начальника РСХА Э. Кальтенбруннера, чей отец — любопытный факт — был дружен с отцом Эйхмана, спасло последнего от неизбежного падения⁵¹. Аналогичные злоупотребления, только в еще большем масштабе, допускались администрацией концлагерей, в частности супругами Кох в Бухенвальде, А. Гетцем (знакомым нам по фильму «Список Шиндлера») в Плашове и многими другими. Это обстоятельство — тщательно скрываемая, но все равно очевидная заинтересованность в личном обогащении — не дает нам возможности выделить отдельный тип преступника — «фанатика», к которому, казалось бы, следует отнести этих людей. По нашему мнению, демонстративная преданность идее (например, А. Гетц умер на польском эшафоте со словами «Хайль Гитлер!») всегда уживалась с неустанной заботой о собственной выгоде. Как тут не вспомнить тонкое наблюдение литературного критика А. К. Дживелегова, относящееся еще к Первой мировой войне, о пугающей двойственности немецкого народа, в котором перемешались Вертер, «люди голубого цветка», романтики не от мира сего и вакханалия трезвого мещанства⁵².

«Человек долга». Этот тип еще именуется в литературе «преданным воином» (англ.: *devoted warrior*). К преступникам такого склада принадлежали приговоренные на Нюрнбергском процессе к различным наказаниям фельдмаршал В. Кейтель, генерал А. Йодль, гроссадмиралы Э. Редер и К. Дениц. Как правило, такие люди, будучи выдающимися профессионалами в своей сфере, искренне полагают, что служба даже самому бесчеловечному из всех режимов, когда-либо существовавших на земле, они тем самым служат Родине. В основном они свободны от «эксцессов», которые нередко присущи личности бюрократа (латентной коррупции и прочего неблагоприятного поведения). Как правило, свободны они и от какой-либо материальной заинтересованности в результатах своего труда, а потому социальный престиж и общественное признание значат для них гораздо больше, чем для рядового обывателя. Они искренне полагают, что их работа и состоит в том, чтобы служить своей стране, лидеру или командиру, какими бы те ни были.

⁴⁷ Верле Г. *Принципы международного уголовного права: учебник*. О. : Феникс; М. : ТрансЛит, 2011. С. 283.

⁴⁸ Weigend T. *Kill or Be Killed. Another Look at Erdemovic* // Journal of international criminal justice. 2012. Vol. 10. № 1. P. 1219–1237.

⁴⁹ Арндт Х. *Банальность зла*. С. 33.

⁵⁰ Там же. С. 31, 32.

⁵¹ Пауэр-Штудер Г., Веллеман Д. *Конрад Морген: совесть нацистского судьи*. М. : Альпина нон-фикшн, 2023. С. 179–181.

⁵² Дживелегов А. К. *Немецкая культура и война*. М. : Изд. Т-ва Кушнерев и Ко, 1915. С. 1.

Кстати сказать, этот тип был весьма распространен в Германии на рубеже XIX–XX веков и среди гражданских служащих. Ярчайший пример — министр вооружений Третьего рейха А. Шпеер, действительно, выдающийся специалист своего дела. Впрочем, в случае со Шпеером, по всей видимости, не обошлось без удовлетворения личных амбиций. Отвечая в 1979 году на вопрос журналиста, как человек его знаний и интеллекта мог пойти в услужение нацистам, Шпеер ответил: «Я просто хотел быть знаменитым»⁵³.

Но все-таки такими людьми движет не жажда славы, а стремление к самореализации — независимо от того, в каких условиях оно будет осуществляться. Ранее мы упоминали о синдроме «моста через реку Квай». Что имеется в виду?

Читателям старшего поколения наверняка знаком одноименный фильм с А. Гиннесом в главной роли (за которую тот был удостоен премии «Оскар»). В нем повествуется об английском полковнике Никольсоне, попавшем в годы Второй мировой войны в плен к японцам. По воле японского командования военнопленных направляют на строительство моста через реку Квай, где Никольсон требует соблюдения норм обращения с военнопленными, в целом достойного обхождения с собой и своими подчиненными. Попытки и издевательства не в состоянии сломить его. Советский кинокритик В. Утилов писал в своем очерке о герое А. Гиннеса: «...полковник Никольсон фанатически предан делу своей жизни — службе в армии, воинскому долгу, дисциплине. Его преданность перерастает в подвижничество: он не способен вообще думать о себе, он не знает ни страха, ни колебаний»⁵⁴.

В итоге японцы уступают Никольсону: пленник диктует свои условия тюремщикам... И вот здесь начинается главное. Герой Гиннеса всерьез берется за постройку моста, имеющего для его противника важное стратегическое значение. Никто не может понять, почему полковник вдруг начинает строить мост с той же не знающей границ решимостью, с какой прежде отказывался работать на врага. А для него строительство моста — дело того же принципа. Мост превращается для него в символ собственного профессионализма и всемогущества. Ради торжества этого принципа он забывает, что фактически начинает работать на пользу своих угнетателей. Обнаружив, что мост заминирован американскими разведчиками, Никольсон сообщает об этом японцам, поставив под угрозу саму операцию и жизни трех подрывников. Осознавая в последний момент необходимость завершить им же сорванную операцию, полковник бросается к взрывателю и падает на него, сраженный японской пулей. В последний момент в его глазах застывает вопрос: почему же патриотизм и самоотречение чуть было не привели его к предательству?

По нашему мнению, сложно представить более удачную метафору для типажа «человека долга». Родись Йодль, Шпеер и другие на полвека позже, они бы стали преуспевающими людьми в новой демократической ФРГ. Однако все они родились в конце XIX века и прожили «длинный XX век» как смогли. Впрочем, в 1933 году перед ними тоже стоял выбор...

Очевидно одно: все они имели ярко выраженное чувство долга и, скорее всего, никогда бы не преступили закон в «хорошей Германии». Однако национал-социалистический режим, помноженный на определенные личные амбиции, превратил их из «хороших» в «плохих парней». Беседы, которые вел тюремный психиатр Г. Гилберт с подсудимыми на Нюрнбергском процессе (с тем же Йодлем) свидетельствуют о том, что, будучи осведомлены о зверствах гитлеровцев, эти люди закрывали глаза на происходящее и продолжали, как они считали, честно выполнять свой долг перед «фатерландом»⁵⁵. Иными словами, «преданные воины» суть достойные люди, служащие недостойной идее⁵⁶.

Садист. Это наименее патетический и наиболее распространенный из всех типов международных преступников. Фактически именно к этому типу относится подавляющая часть рядовых исполнителей массовых беззаконий. Для него характерно непосредственное применение насилия, в том числе вооруженного, по отношению к своим жертвам, широкое использование пыточных технологий, непосредственная вовлеченность в боевые действия. Однако в каждом вооруженном конфликте этот тип имеет свои особенности. Ведь истребление евреев в Третьем рейхе имело одну подоплеку, а, скажем, геноцид в Руанде — совершенно другую. В последнем случае, насколько можно судить, затаенная горечь и злость хуту, вызванная их менее привилегированным положением, невозможностью проникнуть в истеблишмент, традиционно контролируемый тутси, стимулировали деятельность, направленную на разрушение «перегородок», а затем, после длительных и бесплодных попыток добиться успеха, эти чувства породили ненависть уже к самим тутси, превратившись в мощный стимул осуществления геноцида. Один из осужденных хуту позднее признавался: «В сухой сезон

⁵³ Karstedt S. "I Would Prefer to Be Famous": Comparative Perspectives on the Reentry of War Criminals Sentenced at Nuremberg and the Hague // *International Criminal Justice Review*. 2018. Vol. 28. P. 372.

⁵⁴ Утилов В. *Алек Гиннес* // Актеры зарубежного кино : сб. М. : Искусство, 1966. С. 66.

⁵⁵ Гилберт Г. *Нюрнбергский дневник* / пер. с англ. А. Уткина. М. : Вече, 2012. С. 216, 217.

⁵⁶ Smeulers A. *Op.cit.* P. 253.

каждый маленький слышит от взрослых, что тутси заграбастали слишком много земли и что нужно от них избавиться, чтобы победить бедность. Потом, если урожай хорош, эти слова забываются, но подспудно у ребенка запечатлевается это недовольство»⁵⁷.

Таким образом, садист — это типичный международный преступник низшего уровня; радикал, нередко отчаявшийся и озлобленный, а потому теряющий человеческий облик по мере совершения преступлений. Для представителей этого типа характерны различные психические девиации, связанные с непосредственным применением насилия, в том числе сексуального. Как правило, такие люди обладают весьма эклектичным политическим сознанием, в котором уживаются противоположные ценностные ориентации. Кроме того, преступники такого типа всегда стараются персонифицировать свою ненависть — будь то евреи, тутси и т. д., к чему-то наиболее доступному для верификации на базе собственного опыта и вместе с тем воплощающему в концентрированном виде основные недостатки окружающей действительности.

Подчеркнем, что рядовые исполнители, в отличие от других типов международных преступников, — чаще всего неудачники. Выдающийся французский писатель Ж. Геено, автор «Дневника темных лет», так описывает участников «патриотической акции», организованной представителями администрации Виши: «Местный фармацевт, который за последние два года пытается взять реванш за то, что ранее никогда не имел какой бы то ни было власти, школьный учитель, боящийся потерять работу, престарелый член Радикальной партии, смертельно обидевшийся на власти Третьей республики за то, что те не удостоили его ордена Почетного легиона...»⁵⁸.

Поразительно, но в отношении рядовых исполнителей судебная практика всегда характеризовалась неоднородностью, обусловленной многочисленностью преступников данного типа и ограниченными возможностями пенитенциарной системы. Например, в американской зоне оккупации все, кто вступал в НСДАП после 1 мая 1937 года, автоматически переводились в разряд «виновных» по закону № 104. В британской зоне оккупации необходимость покинуть государственную службу распространялась на всех, кто вступил в НСДАП, СА или СД до 1 апреля 1933 года (так называемые старые бойцы). Во французской зоне оккупации подобные критерии вовсе отсутствовали. В Норвегии сотрудничество с квислинговцами влекло более тяжкое наказание, если осуществлялось на более позднем этапе оккупации. Аналогичным образом во Франции сотрудничество с режимом Виши могло не влечь ответственности, если имело место до ноября 1942 года, однако это не распространялось на эпизоды сотрудничества, имевшие место позже⁵⁹.

Извлекатель прибыли. Проблемы генезиса и уголовной ответственности этого типа международного преступника, к которому относятся представители деловых кругов, были проанализированы нами в отдельном исследовании⁶⁰.

Заключение

Изложенное позволяет прийти к следующим выводам:

1. Несмотря на необходимость при определении меры наказания принимать во внимание личность осужденного, исследование последней еще не получило должного освещения в отечественной юридической науке. Помимо прочего, это связано с отсутствием в арсенале нашей доктрины самого понятия «международная криминология» как особого направления научных исследований, находящегося на стыке криминологии и международного права, в фокусе которого были бы проблемы международной преступности, личности виновных и т. д.

2. При расследовании международных преступлений необходимо учитывать, что они существуют не сами по себе, изолированно, как единичные преступные акты, а почти всегда вписываются и проистекают из определенного социального контекста — вооруженного конфликта, гражданской войны, «этнических чисток» и т. п., формирующего в обществе атмосферу «системной безнаказанности». Как следствие, в совершение таких преступлений вовлекаются огромные массы людей. В свою очередь, достигнутый уровень развития международного уголовного права требует при оценке виновных действий подсудимого разграничения различных форм индивидуальной и командной ответственности, которое опять-таки немислимо без анализа

⁵⁷ Цит. по: Давид Э. *Указ. соч.* С. 966.

⁵⁸ Elster J. *Op.cit.* P. 142.

⁵⁹ *Ibid.* P. 157. В этой связи отметим, что в ноябре 1942 года по приказу премьер-министра П. Лаваля в Париже с целью депортации было задержано 13 тыс. евреев (из них 4 тыс. — дети). Большую часть арестованных разместили на зимнем велотреке (фр.: *Vel d'Hiv*), куда парижане обычно приезжали ради отличного катка. Все они погибли. Впоследствии об этой трагедии был снят художественный фильм «Месье Кляйн» с А. Делоном в главной роли.

⁶⁰ См.: Евсеев А. П. *Бизнес и международное уголовное правосудие: эволюция взаимоотношений* // Международное правосудие. 2022. № 3 (43). С. 96–116.

того, какова была его планируемая и реальная роль в осуществлении преступного замысла, какими мотивами он руководствовался и т. д.

3. В работе предлагается выделять шесть типов международных преступников: политик-манипулятор; «жертва обстоятельств»; бюрократ; «человек долга»; садист; извлекатель прибыли. Помимо этого, в практике международных уголовных судов и трибуналов распространена градация преступников на относящихся к высшему, среднему или низшему звену.

4. По всей видимости, чаще всего международные преступления, особенно на среднем и низшем уровне, совершаются людьми с определенными дефектами нравственного и правового сознания, главным из которых является конформизм. Последний традиционно определяется как механическое присоединение к позиции авторитета или большинства в отсутствие личной убежденности в правильности таковой. Проблема осложняется еще и тем, что определенная степень конформности присуща всем людям; более того, конформизм не исчезает полностью, даже если он осознается, и если с ним борются. Однако в случае массового совершения международных преступлений он приобретает особый характер, становясь своеобразной психологической предпосылкой готовности индивида к участию или, по крайней мере, к попустительству массовым беззакониям.

5. Вместе с тем активность личности проявляет себя не только в нейтральной, но и в противодействующей ситуации, ставящей индивида в драматическое состояние выбора. Тем не менее практика органов международного уголовного правосудия свидетельствует о том, что подавляющая часть подсудимых обладала достаточно высокой информированностью о возможных вредных последствиях своих действий, имея весьма широкую свободу усмотрения. И только в редких случаях подсудимый находился под влиянием принуждения, следствием которого стало совершение им военных преступлений. Это опровергает широко распространенную точку зрения о международных преступниках, в частности низшего звена, как о людях, которые не были в достаточной мере осведомлены о подоплеке собственных действий или находились в плену массовых стереотипов, навязанных государственной пропагандой. Правильнее говорить о том, что в современных реалиях информационного общества лицо в состоянии найти достоверную информацию о происходящем в мире, а потому ссылка на неосведомленность уже не может рассматриваться в качестве обстоятельства, смягчающего вину.

THE PERSONALITY OF INTERNATIONAL CRIMINAL (ON MATERIALS OF NUREMBERG AND OTHER JUDICIAL PROCEEDINGS)

EVSEEV A. P.

Alexander Evseev — Candidate of sciences in Law, Associate Professor, Faculty of Law, the National Research University Higher School of Economics, apevseyev@gmail.com.

Citation: Evseev A. (2023) Lichnost' mezhdunarodnogo prestupnika (po materialam Nurnbergskogo i inykh sudebnykh razbiratel'stv) [The Personality of an International Criminal (on Materials of Nuremberg and Other Judicial Proceedings)]. Zhurnal VSHÉ po Mezhdunarodnomu Pravu (HSE University Journal of International Law), vol. 1, no. 1, pp. 77–91. (In Russian).

Abstract

The article considers the personality of an international criminal as a complex category. Based on modern achievements in legal science, the author comes to the conclusion that this phenomenon should be studied not only from the standpoint of international law itself, but also from related legal disciplines: criminology, legal psychology, sociology of law, and others. Consideration of the problem under study is also impossible without referring to another complex phenomenon — system criminality, which is traditionally understood as the practice of committing mass lawlessness as part of a policy supported or directly implemented by the state. The essence of such a regime is the need to obey orders that run counter to modern civilized regulation. It is stated that when committing mass lawlessness, there is a specific combination of the personality of the offender and the criminal situation associated, as a rule, with an armed conflict, illustrated by the thesis of "ordinary people within extraordinary circumstances". As a consequence, this gives rise to a situation of moral choice in which potential violators of the norms of the international community find themselves. The following types of international criminals are distinguished: a manipulative politician, a "victim of circumstances", a bureaucrat, a "man of duty", a sadist, a profiteer. The article presents some personal characteristics of persons who have committed crimes under international law, in particular, socio-demographic, professional and others. The author comes to the conclusion that despite the fact that taking into account the identity of the offender when sentencing is a normative requirement enshrined in the statutes of organs of the international criminal justice, the scientific development of this phenomenon has not yet reached a level adequate to its significance. In general, the data obtained allow us to state that most often international crimes, especially at the middle and grassroots levels, are committed by people with certain defects in moral and legal consciousness, the main of which is conformism. Moreover, in the case of mass crimes, it acquires a special character, becoming a kind of psychological prerequisite for the individual's readiness to participate or condone mass lawlessness. It is stated that the current level of informatization of society renders untenable the reference to the ignorance of the subject regarding the commission of international crimes by the side of the conflict with which he

identifies himself. The paper makes a final conclusion about the need to form a special field of knowledge located at the intersection of international law and criminology — supranational criminology.

Keywords

personality of criminal, international criminal justice, Nuremberg trial 1945–1946, international criminal tribunals *ad hoc*, system criminality, typology of international criminals

References / Список источников

- Antonov A. (2015) Trebovaniya provedeniya «effektivnogo rassledovaniya» prestupleniy i nekotorye aspekty ikh realizatsii v svyazi s vooruzhennymi konfliktami [The requirement of ‘effective investigation’ of crimes and some aspects of its implementation in the context of armed conflict]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 14, no. 2, pp. 99–113. (In Russian).
- Arendt H. (2021) *Banal'nost' zla* [The banal of evil], Moscow: Skriptorium. (In Russian).
- Arendt H. (2014) *Otvetstvennost' i suzhdenie* [Responsibility and judgment], Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (In Russian).
- Assman A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo* [The long shadow of the past], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Bogush G. I. (2010) Kontseptsiya sistemnoy prestupnosti v mezhdunarodnom ugolovnom prave [The concept of system criminality in the international criminal law]. In: *Mizhnarodna kriminologiya: stan i perspektivi: zb.* Odesa: Feniks. P. 249–258. (In Russian).
- Branch A. (2017) Dominic Ongwen on Trial: the ICC's African Dilemmas. *International Journal of Transitional Justice*, vol. 11, no. 1, pp. 30–49.
- de Brouwer A.-M., Smeulders A. (eds.) *Elgar Companion to the ICTR*, Chetlenham: Elgar Publ., 2016.
- Burlakov A. N. (2022) *Petèn* [Petain], Saint-Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian).
- Gilbert G. (2012) *Nyurnbergskiy dnevnik* [Nuremberg diary], Moscow: Veche. (In Russian).
- David E. (2011) *Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov* [Principles of law of armed forces], Moscow: MKKK. (In Russian).
- Dzhivegov A. K. (1915) *Nemetskaya kul'tura i voyna* [German culture and the war], Moscow: Izd. T-va Kushnerev i Ko. (In Russian).
- Elster J. (2004) *Closing the Books: Transitional Justice in Historical Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Evseev A. (2022) *Biznes i mezhdunarodnoe ugolovnoe pravosudie: èvolutsiya vzaimootnosheniy* [Business and the international criminal justice: the evolution of their relationship]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 43, no. 3, pp. 96–116. (In Russian).
- Ferdinandusse W., Whiting A. (2021) Prosecute Little Fish at the ICC. *Journal of International Criminal Justice*, vol. 19, no. 4, pp. 759–781.
- Hafner S. (2022) *Istoriya odnogo nemtsa* [The story of ordinary german], Saint-Petersburg.: Izdatel'stvo I. Limbakha. (In Russian).
- Harrendorf S. (2014) How Can Criminology Contribute to an Explanation of International Crimes? *Journal of International Criminal Justice*, vol. 12, no. 2, pp. 231–252.
- Hazan P. (2004) *Justice in a Time of War*, Texas: Texas A & M University Press.
- Karstedt S. (2018) “I Would Prefer to be Famous”: Comparative Perspectives on the Reentry of war Criminals Sentenced at Nuremberg and the Hague. *International Criminal Justice Review*, vol. 28, pp. 372–390.
- Levi G. (2019) *Prestupniki* [The criminals], Moscow: AST: OGIZ. (In Russian).
- Lezina E. (2021) *XX vek: prarabotka proshlogo* [XX century: dealing with the past], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Mann M. (2023) *Temnaya storona demokratii* [The dark shadow of democracy], Saint-Petersburg: Piter. (In Russian).

- Nyurnbergskiy process: Sb. materialov, v 8 tomakh, tom 1 [The Nuremberg trial. Collection of texts. In 8 vols. Vol. 1], Moscow: Yurid. lit., 1987. (In Russian).
- Nyurnbergskij process: Sb. materialov, v 8 tomakh, tom 8 [The Nuremberg trial Collection of texts. In 8 vols. Vol. 8], Moscow: Yurid. lit., 1999. (In Russian).
- Ol'shanskij D. V. (2002) Psikhologiya terrora [The psychology of terror], Moscow: Akadem. Proekt. (In Russian).
- Pauer-Shtuder G., Velleman D. (2023) Konrad Morgen: sovest' natsistskogo sud'i [Konrad Morgen: the conscience of a nazi judge], Moscow: Al'pina non-fikshn. (In Russian).
- Ponte K. del, Sudetich C. (2008) Okhota. Ya i voennye prestupniki [The hunting. I and the war criminals], Moscow: Eksmo. (In Russian).
- Schabas W. (2009) «Porog ser'eznosti» v Rimskom statute MUS [The gravity threshold in the Rome statute of the ICC]. In: Bogush G. I., Trikoz E. N. (eds.) Mezhdunarodnoe ugovnoe pravosudie: sovremennye problemy [International criminal justice: the current trends], Moscow: IPIPP (In Russian).
- Sharyy A. (2003) Tribunal [The tribunal], Moscow: Prava cheloveka. (In Russian).
- Shlink B. (2005) Rol' prava v preodolenii proshlogo [The role of law in dealing with the past]. In: Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa [The memory on war: 60 years after: Russia, Germany, Europe], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Smeulers A. (2008) Perpetrators of International Crimes: Towards a Typology. In: Smeulers A., Haveman R. (eds.) Supranational Criminology: Towards a Criminology of International Crimes, Antwerpen: Intersentia.
- Smeulers A., Hola B., van den Berg T. (2013) Sixty-Five Years of International Criminal Justice: the Facts and Figures. *International Criminal Law Review*, vol. 13, pp. 7–41.
- Smeulers A., Weerdesteijn M., Hola B. (eds.) (2019) *Perpetrators of International Crimes*, Oxford: Oxford University Press.
- Stahn C. (2019) *A Critical Introduction to International Criminal Law*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Utilov V. (1966) Alek Ginnes [Alec Guinness]. In: *Aktyory zarubezhnogo kino* [The actors of foreign cinema], Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
- Vislov S. I., Kul'bakin V. D. (1990) Soyuzniki i «germanskiiy vopros» (1945–1949 gg.) [Allies and ‘german issue’ (1945–1949)], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Weigend T. (2012) Kill or Be Killed. Another Look at Erdemovic. *Journal of International Criminal Justice*, vol. 10, no. 1, pp. 1219–1237.
- Werle G. (2011) *Printsipy mezhdunarodnogo ugovnogo prava* [Principles of international criminal law]: uchebnik, Odesa: Feniks; Moscow: TransLit. (In Russian).